

УДК 82.09

К.А. СЕМИКИНА

(kseniyasemikina@mail.ru)

Волгоградский государственный социально-педагогический университет

**ОБРАЗ РЕБЕНКА В РАССКАЗАХ В.Г. РАСПУТИНА «НЕЖДАННО-НЕГАДАННО»
И Б.П. ЕКИМОВА «НЕ НАДО ПЛАКАТЬ...»***

Анализируются субъектные (имя персонажа, его портретная и речевая характеристики) и внесубъектные (сюжетно-композиционные, хронологические и жанровые особенности произведений) способы выражения авторской позиции в рассказах «новой» деревенской прозы, где образ ребенка – выражение писательских надежд на сохранение и приумножение нравственных ценностей бытия в современном обществе.

Ключевые слова: образ ребенка, «новая» деревенская проза, авторская позиция, заглавие произведения, имя, портрет, речевая характеристика персонажа.

Образ ребенка в русской реалистической литературе традиционно рассматривается как своего рода «индикатор» общественно значимых проблем, от решения которых зависит будущее всего народа. Признанный мастер «деревенской» прозы В.Г. Распутин в середине 1990-х годов опубликовал ряд рассказов, в центре которых анализ духовно-нравственных процессов в постсоветской России: «Сеня едет» (1994), «Россия молодая» (1994), «В одном сибирском городе» (1994), «Нежданно-негаданно» (1997), «Новая профессия» (1998), «Изба» (1999) и др. В некоторых из них именно образ ребенка выявляет критический взгляд писателя на новый общественный уклад («Теперешняя жизнь сдала карты заново и козыри поменяла» [9, с. 448]), сочетающийся со стремлением осмыслить и преодолеть социально-экономические трудности этой нелегкой поры.

В рассказе В.Г. Распутина «Нежданно-негаданно» (1997) на фоне острых социальных проблем «лихих» 1990-х годов (разгул криминала и насилия: «Они били ее» [Там же, с. 491], «Неподалеку, слева, мучили медведя, облезшего, полуживого и старого, выставив его как приманку для фотографирования. <...> Видно было, что он давно смирился и с цепью на шее, и с тем, что его жизнь кончилась» [Там же, с. 462], «Ведь она предлагает ему купить девочку! Не куклу, не котенка купить, а живого человека!» [Там же, с. 466], роста попрошайничества: «Пристроились на бетонной плитке несколько цыганят и три старика, один совсем безногий, на каталке. <...> Цыганята не выдерживали пустого сидения, бросались канючить, хватали прохожих за руки – их отталкивали» [Там же, с. 462] и т. п.) раскрывается тема сиротского детства. Автор неслучайно поднимает эту тему именно в последнее десятилетие минувшего века: бывший председатель Комитета СФ по обороне и безопасности В.А. Озеров именно в 1990-е годы отмечал: «в Российской Федерации ни одно ведомство не имеет точных данных о количестве беспризорных мальчишек и девчонок. Даже государственной статистики о количестве беспризорных детей на сегодняшний день не имеется. По разным подсчётам, в нашей стране количество беспризорников составляет от 2 до 5 млн. человек» [6, с. 7]. Это бедственное положение в стране чутко улавливает В.Г. Распутин. Кажется, в его рассказ прямо с провинциальной сибирской улочки шагнула девочка Катя, которую главный герой произведения (пожилой человек по имени Сеня) встречает на городском рынке («сначала не догадался, зачем она сидит среди этого хоть и затихшего по сравнению с “Шанхаем”, но всё-таки лежавшего повсюду безобразия с нищими, медведем и бушующей музыкой. <...> На коленях девочки, зажатый ногами, уже и не лежал, а стоял раскрытый пакет. В него опускали деньги» [9, с. 463]). Узнав, что Катю заставляют попрошайничать, Сеня решает увезти девочку к себе в деревню в надежде на её спасение. Однако финал рассказа трагичен: девочку находят бандиты и увозят её обратно в город, где она, как и прежде, по-видимому, будет собирать милостыню, пополняя сиротскими копейками бандитскую казну.

* Работа выполнена под руководством Переваловой С.В., доктора филологических наук, профессора кафедры литературы и методики ее преподавания ФГБОУ ВО «ВГСПУ».

Говоря о проблематике рассказа, стоит обратить особое внимание на заглавие произведения, которое, по замечанию теоретиков литературы, (как правило – сразу) «сообщает о главной теме, идее или нравственном конфликте произведения, действующих лицах, сюжете, времени и месте действия» [5, с. 849]. В названии «Нежданно-негаданно» наблюдается три соподчиненных конфликта: «нежданный-негаданный» раскол страны – как следствие – раскол общества, а – с неизбежностью – раскол души человека, не принимающего новых жизненных обстоятельств, вынуждающих страдать детские души. Одна из наиболее ярких характеристик «расколовшегося» общества звучит из уст второстепенной героини рассказа Правдеи Федоровны: «Что за жизнь пошла?! Что за жизнь пошла! Вера померла – и за полгода слух по Ангаре за двадцать верст не сплыл. Это когда такое было?! О, Господи!» [9, с. 471–472]. Показателен в этом плане и финал рассказа, когда деревенские жители Сеня и Галя, приютившие Катю, в сложной ситуации внезапно оказались без поддержки односельчан и органов государственной власти, не смогли противостоять злу и защитить девочку от обидчиков. Сеня, не так давно задававшийся вопросом: «Кому она нужна, кроме нас?» [Там же, с. 476], – наконец увидел, кому, и от осознания собственного бессилия «лежал без сна и, пытаясь защититься, натягивая на себя одеяло, слушал, как гремит и стонет на разные лады: “Сеня! Сеня! Сеня!”» [Там же, с. 492].

Эмоциональное воздействие этого произведения было настолько сильно, что не удивляет: несколько позже наш выдающийся земляк Б.П. Екимов вступает в творческий диалог с В.Г. Распутиным. Затрагивая схожие конфликты, в своем рассказе «Не надо плакать...» (2004) [1] он, с одной стороны, делает еще более отчетливым мотив «слезинки ребенка» (Ф.М. Достоевский), а с другой – обнадеживающе переосмысливает его значение. Правда, Б. Екимов ещё в самом начале «перестройки» отмечал опасность очередного социально-экономического «перелома» в народной судьбе, «перелома», неизбежно ведущего к отрицательному результату: развал государства влечёт за собой разрыв семейных связей, за ним следует «распад» личности, от чего в первую очередь страдает подрастающее поколение. В романе «Родительский дом» (1988) автор смог предвидеть масштабность проблемы сиротства и показать единственный верный выход – сохранить «живую душу» [2, с. 257] «в родительском доме» [Там же, с. 31]. Настаивая: не бывает чужого ребёнка («не безродный он» [Там же, с. 67]), Б. Екимов выдвигает на первый план своего романа молодую девушку Марию, которая берётся за трудное дело – воспитание Митеньки, оставленного в детском доме. Не имея собственных детей, она следует традициям «родительского гнезда» [Там же, с. 141], где привечен и обогрет каждый, кто слаб и нуждается в помощи. По существу, молодая героиня берёт на себя дело государственной важности – «сбережение народа» (А. Солженицын).

К сожалению, остро поставленная в конце минувшего столетия тема сиротского детства сохраняет свою актуальность и в новом тысячелетии. В рассказе Б.П. Екимова, названном «Не надо плакать...», главную героиню с «говорящим» именем Надежда обманом привозят вместе с матерью и дочерью в донской хутор, отсеченный степями от привычного мира их малой родины. Здесь чудом уцелела многострадальная семья Надежды от рук бывшего заключенного Мишки Абрека, в 1990-е годы промышлявшего мошенничеством. Однако в заглавии этого произведения читатели Б.П. Екимова улавливают значимую трансформацию мотива «слезинки ребёнка»: во-первых, слова «не надо плакать» [1, с. 69] звучат как утешение из уст матери главной героини, пытающейся своими силами как-то поддержать дочь, во-вторых, это голос самого автора, который словно «проговаривает» в унисон с персонажами: настало время «не плакать», а действовать решительно, отстаивая свой дом, стариков, детей и сами законы человеческого общежития. Сопоставляя заглавия произведений В. Распутина и Б. Екимова, нужно в первую очередь учитывать время их написания: сибирский прозаик создает рассказ в конце 1990-х годов, когда изображаемые им события оказались для общества «нежданными» и «негаданными», а Б.П. Екимов, продолжая размышления В.Г. Распутина в начале 2000-х, говорит не столько о внезапности событий, сколько о закономерном течении времени с «другими козырями» и о тех, кто «неприветные» для народной жизни «kozyри» может «побить». Это не чужая для Кати из «Не-

жданно-негаданно» женщина Люся, запуганная и зависимая от бандитской воли, а Надежда – родная мать, хозяйка в своём доме и на своей земле.

Отдельного внимания заслуживают хронотопические параметры анализируемых рассказов, поскольку одной из черт «новой» деревенской прозы является сужение художественного пространства, что наглядно проявилось еще в романе Б.П. Екимова «Родительский дом», где показана постепенная смерть хутора: «Горькое, саднящее душу недоумение не оставляло его. Ведь будто еще вчера жили здесь люди. Шесть лет назад, перед службой в армии, всё тогда было живо. Теперь же тишь забвенья» [2, с. 149]. В рассказе В.Г. Распутина «Нежданно-негаданно» родное для Сени ангарское село носит название Заморы, по всей видимости, получило своё название от слова «замор», обозначающего «массовую гибель рыбы и других водных животных, вызываемая резким уменьшением растворенного в воде кислорода» [3, с. 218]. Этот вымышленный топоним еще раз подтверждает авторскую идею: люди тоже «задыхаются» в новых жизненных условиях, от тревог и бед их не спасают сибирские просторы. Название села созвучно и с выражением «за морем» – это Богом забытый край, который, несмотря на отдаленность от центральных районов России, не смог уберечься от духовных «болезней» современности. Это подтверждается мыслями второстепенной героини рассказа Люси: «Нет теперь ни умных, ни дураков. Есть сильные и слабые, волки и овцы. Всё наше образование пошло псу под хвост. У нас и профессора в лакеях служат или на цепи сидят» [9, с. 459], «Одних цепь заставляет кидаться на людей, других в обморок кидает» [Там же, с. 467]. В рассказе Б.П. Екимова «Не надо плакать...» прослеживается схожая мысль, хотя хутор, который обживет семья Надежды, отдален от мира большой земли не могучей Ангарой, а бескрайними степями, в которых в «лихие времена» нередко нужно было «бояться не волков, а людей», как замечает писатель [1, с. 59]. Однако страх в Надежде сменяется решимостью отстоять свою семью и саму землю ото всего уродующего и агрессивного. Оба писателя солидарны в утверждении о том, что образ дома, формируя в персонажах и читателях чувство «домашней оседлости» (Д.С. Лихачёв), «реализует идею исторической преемственности поколений» [7, с. 11].

В рассматриваемых произведениях двух художников современной «деревенской» прозы важен и вопрос о преемственности литературных традиций. К нему имеет отношение выбор собственного имени персонажей, ведь «имя в художественном произведении может сказать больше, чем задумал автор» [4, с. 36]. Безродную девочку из рассказа В.Г. Распутина зовут Катя, что значит «чистый» [8, с. 129]. Действительно, в образе Кати видится судьба самой России, переживающей в постсоветский период разрыв привычных, жизненно необходимых связей с миром. Свою героиню В.Г. Распутин рисует с любовью и теплотой: эта девочка – «точно слетевшая из сказки» с «ангельским личиком» – сразу выделяется среди общей массы людей на рынке, где впервые увидел ее Сеня [9, с. 463]. В.Г. Распутин, как художник-реалист, воспроизводит детальный портрет героини, в котором есть что-то небесное, неземное: «Глаза небольшие, глубокие, голубые; курносинка, та самая изюминка, которая делает лицо занимательней; щеки без подушечек, ровные; рот правильный, со слегка оттопыренной нижней губой. Нет, не лепилось это лицо взаимным наложением родительских черт, а выдувалось, как из трубки стеклодува, небесным дыханием» [Там же, с. 463]. Подробно описывается и поведение девочки в доме у Сени (поначалу «Катя слушала его внимательно и равнодушно, изредка поднимая глаза, пристально всматривалась в Сеню и словно говоря: а ведь я уже старше, мне эти сказки рассказывать поздно» [Там же, с. 477]), дополняется ее образ и взглядом со стороны («А мы с тобой об одной девочке. <...> Он сам удивлялся: о любой бы он сказал “девчонка”, а о ней не выговаривалось» [Там же, с. 476]) – так создается убедительный образ прекрасной девочки с живой, не подвластной миру насилия и торгашества душой.

Автор обращает внимание на эпизод с керосиновой лампой, которая буквально «высвечивает» в портрете Кати облик самой нашей страны: «да кто сказал ему (Сене), что у нее недвижимое, холодное лицо, затуманенное изнутри? Ничего подобного. Не может быть, чтобы только от керосина переливались по лицу краски и под тайными толчками играла кожа» [Там же, с. 487]. Образ Кати помогает В.Г. Распутину донести до читателя главную идею своего произведения: будущее страны в руках

детей, которые сегодня нуждаются в защите и поддержке. Это имя – Катя – выбрал и Б.П. Екимов для маленькой героини в своем рассказе «Не надо плакать...». Ею Катя, единственная дочь Надежды – тоже многое пережившая, но окруженная любовью близких в «материнском доме», выросшая в других условиях и повзрослевшая Катя из «Нежданно-негаданно»: к счастью, на этот раз у Кати, «стройной девушки с распущенными золотистыми волосами» [1, с. 69], есть мама – главная ее опора, имя которой Надежда, это она защищает дочь от жизненных невзгод, а с ней – и само будущее Родины.

И В.Г. Распутин, и Б.П. Екимов в анализируемых рассказах утверждают, что основа движения России вперед – это ее дети, если нет возможности защитить ребенка, то не получится разрешить и общественные проблемы в целом. Это главная родительская и общенародная забота, не зависящая от «тысячелетья на дворе». Вот почему так необходим «новой» деревенской прозе образ ребенка: на Ангаре, на Дону, на Волге (в реальности и в реалистической литературе) писатели-современники, наследуя этический потенциал русской классики, утверждают и предупреждают всех нас: судьба детей – судьба будущего «нашего общего дома – России».

Литература

1. Екимов Б.П. Не надо плакать... // Новый мир. 2004. № 11. С. 59–70.
2. Екимов Б.П. Родительский дом. М.: Современник, 1988.
3. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка: в 2 т. М.: Русский язык, 2000. Т. 1: А–О.
4. Карпенко Ю.А. Имя собственное в художественной литературе // Филологические науки. 1986. № 4. С. 34–40.
5. Литературная энциклопедия терминов и понятий / под ред. А.Н. Николюкина. М.: Интелвак, 2001.
6. Озеров В.А. Детская безнадзорность и беспризорность, как один из факторов угрозы национальной безопасности России // Аналитический вестник. 2002. № 20(76). С. 6–16.
7. Перевалова С.В. «Волшебные места, где я живу душой...»: молодые герои в русской «деревенской» прозе XX–XXI веков // Литература в школе. 2016. № 8. С. 9–13.
8. Петровский Н.А. Словарь русских личных имен: более 3000 единиц. 6-е изд. М.: Рус. словари, 2000.
9. Распутин В.Г. Нежданно-негаданно // Дочь Ивана, мать Ивана: повести и рассказы. М.: Эксмо, 2005. С. 449–492.

KSENIYA SEMIKINA

Volgograd State Socio-Pedagogical University

THE IMAGE OF A CHILD IN THE STORIES OF VALENTIN RASPUTIN “UNEXPECTEDLY” AND BORIS EKIMOV “DON’T CRY”

The article deals with the subjective (the names of characters, his portrait and verbal characteristics) and extrasubjective (narrative and compositional, chronotopical and genre peculiarities of works) ways of expressing the author’s position in the stories of “new” village prose, where the image of a child is the expression of writers’ hopes of saving and increasing moral standards of life in the modern society.

Key words: the image of a child, “new” village prose, the author’s position, caption title, name, portrait, verbal character profile.